

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
ИСТОРИИ

ХИЩНИЦЫ

УБИЙСТВО графа КОМАРОВСКОГО.

(Дело Тарновской, Прилукова и Наузова — в суде).

им суда.

(или невинности).

судителей.

перу. Промисл Тарнов-
ского неслучайно пере-
но дала весьма пикант-
ные Прилукова и выка-
залу, очень доброту со-
судителей.

ко Тарновская выказала
сказала что имеет 30 000
она была сбежала из
его каторжничества от-
ра Ахматова, которая

была верная, которая
была очень добротой и
милосердия. Она напо-
мнила про время когда на ба-
ракане сиделый убили из
а тюрьмы и с тех пор
государства (или не-
винности) она не
она невинности

Показания в суде — ложь.

Она была выказана у Тарновской
но то время, когда Тарновская, судя
мнения ее вконец покаяние судителе-
ний, графини Пален.

После этого старания обвинить Тар-
новскую, — как эгоистичную, добрую
женщину, которая не могла сказать
была жертвой своего безумного и
разумного мужа, замкнувшегося в
ту с темной психикой, которую
которые намеревались оружием на го-
лову.

Даже боится. Тарновская не остава-
лилась и не оставила

Тарновская не оставила
Тарновская не оставила

Тарновская не оставила
Тарновская не оставила

Тарновская не оставила
Тарновская не оставила

Тарновская не оставила
Тарновская не оставила

Тарновская не оставила
Тарновская не оставила

По смот-
Тарновской
никала про-
завещание.

Гонимый
днем Тар-
новской, так
записки, в
балканских
распоряже-
ние, в
государство.

Она не оставила
своих записок
написанных в
своих записках
своих записках

Она не оставила
своих записок
написанных в
своих записках
своих записках

cbhv

Лев Яковлевич Лурье
Хищницы
Серия «Окно в историю»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7020107
Хищницы: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-9775-0750-9

Аннотация

«Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин. Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им. Героини этой книги сейчас практически забыты, но каждая в свое время была известна и сыграла в жизни России роковую роль.

Содержание

Бабье царство	5
Глава 1	10
О'Рурки	12
Тарновские	19
Васюк	26
Новобрачные	28
На свободе	35
Боржевский	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лев Лурье

Хищницы

© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бабье царство

В начале XX века казалось: императорская Россия будет существовать вечно. Даже 47-летний Владимир Ленин в январе 1917 года говорил молодым швейцарским социал-демократам: «Революция, конечно, произойдет, но не на глазах моего поколения». И вдруг все рассыпалось мгновенно и, как оказалось, окончательно. С расстояния времени виден один из признаков угасания старого режима – ослабление воли правящей элиты. «Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин.

Правящий класс перестал быть хищным и модным. Чехов или Блок никогда не бывали в Зимнем дворце у царя и не жалели об этом. Поместное дворянство – Гаев, Иванов, дядя Ваня, герои Алексея Толстого и Ивана Бунина – лишены воли не то что к власти – к жизни. Это мужчины, остающиеся детьми и в старости. Любители лошадей, хорошего шампанского, балетных танцовщиц и солисток ресторанных хоров. Астения дворянства особенно видна в материалах тогдашних сенсационных судебных процессов.

В 1910 году главная мировая сенсация – «Коза руссо» («Русское дело»): в Венеции сотни судебных репортеров со всех концов света, среди любопытствующих зрителей – Эдгар Дега, Сара Бернар, Габриэле Д'Аннунцио. Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы российской

элиты «Серебряного века».

Недаром на процессе в Венеции адвокаты вспоминали австрийского романиста Захер-Мазоха. Главные героини писателя – гордые украинки, доминирующие над слабыми европейскими мужчинами.

Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им.

Самовластной хозяйкой Мариинского театра на долгие годы стала Матильда Кшесинская. Попутно, через своего покровителя великого князя Сергея Михайловича, управлявшего российской артиллерией, она проталкивала (не безвозмездно) заказы на пушки и пулеметы для русской армии. В Александринском театре распределяла роли дважды разведенная Мария Савина.

«Бабьим царством» становится и правящая династия. При Александре III морганатические браки были исключены, при Николае II они стали обыкновенным явлением. Причем их инициаторшами были, как правило, именно женщины, удивившие мужчин из императорской семьи.

Второй по значимости (после наследника) претендент на трон, великий князь Михаил Александрович, тайно женился на Наталье Вульферт (в первом браке – Мамонтова). Кирилл Владимирович (третий по близости к трону) вступил в брак

со своей двоюродной сестрой – Викторией Мелитой, разведенной супругой герцога Эрнста Людвига Гессенского.

Дядя Николая II Павел Александрович был выслан из России за то, что отбил у генерала Эриха фон Пистолькорса супругу Ольгу, и женился на ней. Его дочь Мария Павловна бросила мужа, шведского короля Вильгельма, ради французского герцога Монпансье, искусного охотника на тигров. Наконец, родная сестра Николая II Ольга Александровна жила не со своим мужем принцем [Петром Ольденбургским](#), а с офицером Кирасирского полка [Николаем Куликовским](#).

Известно, какую огромную политическую роль играла сама царствующая императрица Александра Федоровна. Распутин, а до него других «целителей» – Папюса и Филиппа – ввели в царскую семью «черногорки» Стана и Милица – жены великих князей Николая и Петра Николаевичей. В заговоре великих князей, желавших удалить Распутин и императрицу, важную роль играла жена великого князя Владимира Александровича – Мария Павловна.

Русский правящий класс «обабивался». Чудо-богатыри, входившие в Париж, через столетие превратились в Ипполитов Матвеевичей Воробьяниновых. И, когда настала пора защищать монарха и самодержавие, на помощь государю не пришел ни один из великих князей, ни один командующий фронтом. Да и в Гражданскую войну против «красных» воевали не великие князья, не представители знаменитых русских родов, а – скромные фронтовые офицеры, тянувшие

до 1914-го лямку в провинциальных гарнизонах. Словами Георгия Иванова, «Овеянный тускнеющей славой, в кольце святош, кретинов и пройдох, не изнемог в бою Орел Двуглавый, а жутко, унижительно издох».

Американский историк Сэм Рамер назвал события 1917 года «революцией фельдшеров». Ее делали те, кого в старое время не подпускали к власти, кто не имел шанса – прапорщики, провизоры из черты оседлости, фрезеровщики Путиловского завода, журналисты левых газет, кронштадтские матросы. И что бы ни говорили о «красных», в них была настоящая жестокая воля. Потому Троцкие, Фрунзе и Буденные победили выпускников Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского училища.

Эхо этого социального подъема чувствовалось в стране вплоть до 1960-х. Некогда было «бабиться» – страной правили выходцы из народа, прошедшие от деревенской избы или барака в рабочем поселке до Кремля.

Мы снова видим ослабление правящего, да и среднего класса с 1970-х. Система становится непроницаемой. «Любимый мой летит с одним крылом». Нервные герои Олега Янковского и Олега Даля обречены на пьянство и «личную жизнь». Леонид Брежнев – мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Защитить СССР, как и старую Россию, оказалось некому.

Нынешний режим мало кому нравится. Публицисты любят предрекать скорые и радикальные изменения. Их проро-

чества быстро становятся пошлостью. Петя звал, но волки не пришли. Долговечие нынешнего строя обеспечивают люди, сделавшие себя сами, альфа-самцы. Эти люди – мужчины, чаще всего неприятные.

Глава 1

Русская Цирцея

В центральном венецианском квартале Сан-Марко в доме под номером 2497 находится гостиница «Ада», а внизу – популярный в городе бар «Тарновска». Назван он в честь киевлянки, графини Марии Николаевны Тарновской, которая сто лет тому назад заставила говорить о себе весь мир. Эта сенсационная история началась с преступления, не вызвавшего поначалу особого интереса.

В 1910 году Россия – в центре внимания мировой прессы. Бежит из Ясной Поляны и умирает на станции Астапово Лев Толстой. В Париже с невероятным успехом проходят гастролы труппы Сергея Дягилева: «Русские сезоны». И, наконец, «Коза руссо» в Венеции – судебный процесс над русскими, собравший сотни репортеров со всех концов света. Даже для многочисленных случайных туристов он стал главным аттракционом венецианской ранней весны. Больше, чем голуби на площади Святого Марка, львы у ратуши и дом Шейлока.

На скамье подсудимых – сын пермского губернатора, известный московский адвокат и русская графиня, в предках у которой Мария Стюарт. Среди людей, которых она загубила – молодой украинский аристократ, польский шляхтич, ост-

зейский барон и русский граф. Она пыталась довести до ка-
торги мужа – наследника знаменитого малороссийского дво-
рянского рода. Это суд не только над Марией Тарновской.
Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы
российской элиты «Серебряного века».

Мария Николаевна Тарновская

О'Рурки

Графиня Мария Николаевна О'Рурк происходит из древнего, славного и многочисленного ирландского рода (выходец из него, например, знаменитый актер Микки Рурк).

О'Рурки ведут свое происхождение с времен Брайана, одного из сыновей ирландского короля.

После смерти короля в 362 году и кровавой междоусобицы среди наследников, Брайан и его потомки утвердились на западе Ирландии, в Коннахте. Это самая суровая, неплодородная часть страны. Сюда англичане позже ссылали непокорных. Оливер Кромвель говорил, что у бунтующих ирландцев один выбор: в ад или в Коннахт.

Подданные Брайана, племя Уи Брюин в X веке раскололось на два кельтских клана: О'Рурков и О'Рейли. После многовековой вражды, в 1100 году, О'Рурки утвердились в Брефне (ныне – графство Литрим), которым владели вплоть до XVII столетия. До сих пор на границе Ольстера и Республики Ирландия высятся многочисленные замки клана, в том числе величественный Клонкоррик.

Со времен английского короля Генриха II (XII век) англичане постепенно завоевывали «Зеленый остров». В 1541 году Генрих VIII провозгласил Ирландию королевством, а себя – ее королем. Между Ирландией и Англией была установлена уния. Особое ожесточение в англо-ирландские отноше-

ния внесла Реформация, проведенная Генрихом: англичане стали протестантами, ирландцы остались католиками. Противостояние между двумя народами не раз приводило к кровавым восстаниям и политическим убийствам.

Оно сказалось и на судьбе предков Марии Тарновской. Брайан на Мурта О'Рурк, один из вождей ирландского сопротивления, отряды которого контролировали значительную часть острова, во время войны протестантской Англии с католической Испанией, поддерживал единоверцев. Когда испанская Непобедимая армада, огромная флотилия с десантом, была в 1588 году разбита англичанами в Ла-Манше, большинство уцелевших кораблей не смогли доплыть до родины, попав в сильный шторм. Многие жертвы кораблекрушения спаслись в Ирландии благодаря Брайану на Мурта. Объявленный британцами вне закона, он пытался получить убежище в Шотландии, но был выдан англичанами, обвинен в государственной измене и повешен в 1591 году в Лондоне.

XVII век сулил О'Руркам одни неприятности. Оливер Кромвель конфисковал их земли в Ирландии. Ирландские аристократы отправились в эмиграцию. После Славной революции 1688 года они приняли сторону низложенного короля Якова II. Все попытки шотландских и ирландских якобитов, при поддержке Ватикана и Франции, возвести своего претендента на британский престол закончились неудачей. Во время битвы на Бойне 1690 года, Брайан О'Рурк смело сражался с англичанами, но якобиты потерпели поражение.

Руководители клана перебрались в континентальную Европу, где превратились в «солдат удачи».

В 1760 году внуки Брайана – братья Джон и Корнелиус О'Рурки – отправились в Россию, служить императрице Елизавете Петровне. Елизавета официально признала за ними титулы «ирландских графов». Джон О'Рурк к тому времени снискал больше славы: это был опытный офицер, служивший до России в Англии и Франции. Бретер и смельчак, он четырежды выходил победителем на дуэлях в Париже. Но в России сэр Джон задержался всего лишь на год – майор конных кирасир участвовал во взятии Берлина и вернулся во Францию с рекомендательными письмами от Петра III, фельдмаршала Суворова и генерала князя Волконского.

А вот Корнелиус прочно обосновался на новой родине. Страстный ирландский патриот, он навсегда простился с отечеством. Жена его была ирландка – дочь генерал-майора Стюарта и Ханны Марии Ласси (сестры русского фельдмаршала, ирландца Петра Ласси). Корнелиус О'Рурк воевал в Польше и на Северном Кавказе и умер в чине генерал-майора, будучи комендантом Дерпта (нынешний Тарту).

Сыновья Корнелиуса – Егор, Иосиф и Патрикий – наследники О'Рурков и Стюартов (в том числе знаменитой Марии Стюарт). Наиболее прославлен Иосиф – участник Итальянского похода, войны со шведами, битв при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау. С Кутузовым они воевали в Турции, потом гнали французов из России. Иосиф Корнилович отличился

в Битве народов под Лейпцигом, брал Париж. Он закончил военную карьеру в чине генерала от кавалерии. Портрет его украшает «Галерею 1812 года» в Зимнем дворце. От него происходит белорусская ветвь О'Рурков (в 1819 году он вышел в отставку и получил огромное имение рядом с Новогрудком).

Но наша героиня Мария Николаевна происходила от другого сына Корнелиуса – Джорджа (Егора). Пятый сын этого Егора – полковник Мориц (Маврикий) Егорович – закончил Пажеский корпус и, естественно, поступил на военную службу. Выйдя в отставку, он в 1843 году прикупил имение в селе Ярмаки Миргородского уезда Полтавской губернии, был выбран уездным предводителем дворянства и женился на местной дворянке. Его потомство – украинская ветвь О'Рурков – постепенно перешло из католицизма в православие.

Полковник Мориц О'Рурк

Граф Николай Морицевич закончил Морской корпус и, будучи юнкером, участвовал в знаменитом кругосветном путешествии фрегата «Аврора» и обороне Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французского флота. Вспоминая события на Камчатке, Николай О'Рурк писал: «Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие

духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: “Молодцы наши авроровцы!”»

Выйдя в отставку капитан-лейтенантом, Николай Морицевич служил чиновником по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе. Затем был председателем съездов в миргородских уездных учреждениях; закончил службу почетным мировым судьей. Его жена – в девичестве Екатерина Селецкая – дочь крупного чиновника – тайного советника, гофмейстера Петра Дмитриевича Селецкого, выпускника киевского и берлинского университетов, киевского вице-губернатора и предводителя дворянства, владельца села Малютинцы (Отрада) Пирятинского уезда Полтавской губернии.

Мария Николаевна О’Рурк родилась в мае 1877 года в имении матери в Отраде. У нее было четыре брата и сестра Ольга (вышла замуж за Харьковского губернатора и сенатора Катеринича).

У Марии – странное детство. Ребенком, качаясь в гамаке, она сильно ударилась головой о дерево и начала слепнуть. Из-за неправильно поставленного диагноза много лет прожила с плотной повязкой на глазах. Считалось, если ее снимут, девочка окончательно потеряет зрение. Мария О’Рурк избавилась от повязки только в 12 лет, после того как ее

начал лечить доктор, специально привезенный из Англии. Стройная рыжеволосая, с голубыми глазами девица, в жилах которой текла кровь и ирландских, и английских королей, и украинских помещиков. Что называется, кровь с молоком, с юности она привлекала внимание мужчин.

В 17 лет Мария окончила Полтавский институт благородных девиц (где ее прозвали *demivierge*, то есть «полудевственницей»). Демивиержками в те годы называли девиц, которые, оставаясь физически девственными, познали тайны плотской любви, не уступая в опытности замужним женщинам. Были ли это лесбийские отношения с товарками по институту или извращенные способы удовлетворять желания мужчин – мы можем только догадываться. Во всяком случае, первые опыты разврата, приобретенные в институте, дали ей с юности невиданное бесстыдство.

В последних классах института Мария обнаружила: в нее без памяти влюблен красавец и богач Василий Тарновский – самый модный жених Киева. Поклонник, как и его избранница, происходил из знатного, хорошо известного на Украине рода. Мария решила рискнуть: такие мужчины на дороге не валяются.

Тарновские

К концу XIX века богатые и знатные малороссийские роды обосновались в Петербурге: Разумовские, Кочубеи, Безбородко. Впрочем, если их богатство было несомненным, то знатность находилась под вопросом. Пушкин в «Моей родословной» гордился тем, что его потомки – те, кто «в князья не прыгал из хохлов».

Из тех, кто остался в Малороссии, самыми заметными и состоятельными считались Галаганы, Скоропадские, Тарновские.

Тарновские утверждали, что они происходят от гетманов, хотя всем было известно: основатель рода Иосип не имел даже фамилии, а его сын Иван Иосипович по прозвищу Ляшок был простым мельником. Удача пришла к Тарновским в 1824 году, когда одному из них, титулярному советнику Григорию Степановичу Тарновскому, по завещанию досталось роскошное имение фельдмаршала Румянцева-Задунайского Качановка в Черниговской губернии (мать Григория была вторым браком замужем за неким Почекой, которому имение и принадлежало с начала XIX века).

Григорий Тарновский стал обладателем огромного дворца, окруженного парком с прудами, павильонами, «гротами любви». На одном из прудов был плавающий остров: деревья, трава и камыши. Но не на земле, а на искусно замаски-

рованном понтоне. А поддерживали все это хозяйство 9 тысяч крепостных.

Григорий Степанович был человек ловкий и обходительный. Он щедро снабжал знатных земляков в столице плодами своих черноземов: соленьями, медом, водкой, наливками и медовухой, а также домашними колбасами, салом. А летом петербуржцы гостили в королевских чертогах Качановки. Тут Михаил Глинка писал «Руслана и Людмилу», а Гулак-Артемовский – «Запорожца за Дунаем», Николай Гоголь занимал хозяев только что написанным «Тарасом Бульбой», а Тарас Шевченко ухлестывал за хорошенькой родственницей хозяина. В Качановке имелся крепостной театр, картинная галерея и оркестр. У хозяина был гарем, состоявший из крепостных девок. За стол садилось по 100 человек, и трезвыми и голодными не выходили. Благодаря хлопотам высокопоставленных земляков, Григория Степановича заметили при дворе. Он стал камер-юнкером (как Пушкин).

После смерти бездетного Григория Степановича в 1853 году поместье перешло к его двоюродному племяннику Василию Васильевичу Тарновскому. Одноклассник Николая Гоголя по Нежинскому лицей, Тарновский закончил юридический факультет Московского университета, преподавал русскую историю в Житомирской гимназии. Гоголь писал про одноклассника: «Он добрый и свежий чувствами, как дитя, немного мечтательный и всегда готов к самопожертвованию... Для него не существует ни чинов, ни повыше-

ний, ни честолюбия». Это был человек либеральный и еще при Николае I составлял проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости. Александр II вызвал его в Петербург, где Василий Васильевич участвовал в работе редакционных комиссий, составивших положение об освобождении крестьян.

Как и все Тарновские, Василий Васильевич кутил. Его сын свидетельствовал: «Отец мой все свое имущество прогулял на водку. За всю свою жизнь он так замечательно проспиртовался, что лежит в церковном склепе совсем нетленный. Можно его хоть сейчас причислять к лику святых и выставить напоказ, как новоявленные мощи».

В 1866 году, после смерти Василия Тарновского-старшего и его супруги (они умерли в один день), Качановку унаследовал сын, было ему тогда 29 лет. Его принято называть Василий Васильевич-младший – выпускник историко-филологического факультета Киевского университета, любитель искусства, эксцентрик, деградант. Он, скажем, пустил в Качановке водочный фонтан: «Вот там возле села у меня был винокуренный завод. Когда я женился, то приказал пустить фонтан водки. Пей, крещеный люд, сколько душе угодно! Боже ж мой, сколько бросилось к этому фонтану народа! И сколько их валялось возле него, как трупов после великой битвы! Кто с ведром, кто с кружкой, кто рот подставлял под струи водки, а кто хватал пригоршнями! А бабы бежали с горшками, макитрами и бутылками: что схватили, с тем и нес-

лись, а оттуда – домой, и снова к фонтану. Один дядька отбежит от него, а потом снова назад: «Ось тіки ще раз ковтну!» Много было таких, что спали возле фонтана до следующего утра. А некоторые и кости свои там сложили».

Василия Васильевича не считали красавцем. Это был человек маленького роста, худенький, с черными, как смоль, волосами и длинными «казацкими» усами. Женат был на статной, высокой красавице, но оставался знаменитым «ходоком». «Была ли это хорошенькая и податливая пани или простая босоножка, на двадцать верст вокруг Качановки, – говорили люди, – не было такой красивой девки, которая не побывала бы в руках пана Тарновского». Горячая казацкая кровь делала Василия Васильевича-младшего неуправляемым и опасным. Однажды он пистолетным выстрелом убил местного крестьянина, рубившего в его лесу дерево. Ему угрожала каторга. Пришлось тратить на адвокатов и подкуп свидетелей, выдавших преступление за несчастный случай на охоте.

Василий Тарновский был человек исключительно тщеславный, с далеко идущими политическими планами. Он мечтал стать ни более ни менее – гетманом вольной Украины. А пока Малороссия прочно входила в состав единой и неделимой императорской России, он всячески хвалил свое украинское происхождение. Одевался в одежду запорожского казака: свитка, широкие шаровары, пояса-шарфы. Стал предводителем дворянства Нежинского уезда. Со-

брал огромную, лучшую в России, коллекцию казацко-гетманских музейных и архивных древностей. Издал альбомы с фотографиями шевченковских офортов и портретов украинских гетманов, каталог своих музейных коллекций. Сейчас оставшаяся часть собрания – основа двух музеев: Черниговского областного исторического музея имени Василия Тарновского и киевского Национального музея Тараса Шевченко. Он жертвовал немалые деньги на памятник над могилой Тараса Григорьевича, на сооружение памятников Богдану Хмельницкому в Киеве и Ивану Котляревскому в Полтаве, на создание Киевской публичной библиотеки, издание библии на украинском языке, создание журнала «Киевская старина».

При Василии Васильевиче-младшем парк в Качановке процветал. Садовники обустроили новые шедевры ландшафтной архитектуры – «Швейцарию», «Горку Любви», «Холм Верности», «Хвойную Горку».

Имение Тарновских Качановка

Столовая в имении Тарновских

Так же как и во времена Григория Степановича, Качановка в конце XIX века стала своеобразным летним пансионом для художников.

Константин Маковский оставил три работы, связанные с имением: картину «Запорожский казак», на которой изображен Василий Васильевич в своем излюбленном запорожском костюме, портрет жены хозяина имения Софьи Васильевны Тарновской и матери Василия Васильевича со стариком-служкой («Помещица»).

Летом 1880 года в имении побывали Илья Репин и его

ученик Валентин Серов. Илья Ефимович использовал пребывание в Качановке для работы над одной из своих самых популярных картин «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Для этой вещи были необходимы предметы казачьей старины из коллекции Василия Васильевича Тарновского. Репин зарисовал походные чернильницы, которые носили на поясе казаки, кобзы, бандуры, печать на грамоте гетмана, запорожские сабли, ружья, короткие пушки, медные кувшины. В Качановке Репин сделал и множество портретных этюдов для «Запорожцев». Кучер Тарновского превратился на холсте в казака с протянутой рукой, а сам Василий Тарновский – усатый казак в черной шапке, стоящий по правую руку от писаря. Василий Васильевич позировал Репину для портрета гетмана. В то же лето художник написал в Качановке еще две работы: «Вечорницы» и «Аллея в парке. Качановка».

Васюк

У последнего владельца Качановки было трое детей: два сына – старший Василий и младший Николай – и дочь Софья.

Вспоминает внук Василия (Васюка) Тарновского Алексей Алексеевич Каплер: «Мой дед, Василий Васильевич Тарновский, родился в 1872 году в родовом имении Качановка. Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям. Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому все прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, на котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом. Казаки, охранявшие парк, научили Василия скакать на лошади и стрелять, отец обучил псовой охоте, качановские мальчишки – бороться, а после рассказов о запорожских казаках, их набегах и вольной жизни набег вместе с качановскими приятелями на соседские бахчи, где арбузы были турками, привели к тому, что Васючка отослали учиться в столицу».

В Петербурге Василий Васильевич учился в каком-то во-

енном учебном заведении и брал уроки пения у Камилло Эверарди. Знаменитый баритон, выпускник Парижской консерватории, Эверарди пел в Неаполе, Милане, Вене и Петербурге. В 1870–1888 годах он был профессором Петербургской консерватории, а с 1890 по 1897 год – Киевского музыкального училища.

Согласно семейным воспоминаниям, Васюк дружил с Леонидом Собиновым и Федором Шаляпиным, заезжавшими в Качановку запросто. Пел он и в России, и за границей под сценическим псевдонимом Снежков. Свою дочь позже назвал Татьяной потому, что в день ее рождения исполнял Онегина.

Василий Тарновский никогда нигде не служил, а досуг посвящал пению. По словам Алексея Алексеевича Каплера, отец Васюка «...категорически не принимал таланта сына и его увлечения пением. Он считал, что для родовитого дворянина фиглярствовать на сцене – моветон, поэтому дед пел под различными псевдонимами».

И вот Васюк влюбился в Марию О’Рурк и сделал ей предложение, которое было принято.

Новобрачные

Васюк Тарновский – молодой человек без специальности и положения, неслужащий дворянин 22-х лет. По слухам, его ожидает огромное наследство, но пока – живет на полном родительском содержании. От военной службы Васюка освободили врачи: нашли следы семейного вырождения – невращения в соединении с алкоголизмом и неблагоприятной наследственностью.

О'Рурки считают: Мария Николаевна – представительница английского королевского рода и русская графиня – может рассчитывать на более обеспеченного, имеющего положение и постоянный доход жениха.

Меж тем, Васюк – человек бесхарактерный, уже расстроивший свои нервы неправильной жизнью и злоупотреблением алкоголя. Пользуется репутацией доброго малого и кутилы. Его властный, жестокий, разгульный отец известен своим эксцентризмом; имение Тарновских – на грани разорения.

Но и Тарновским избранница Васюка не по душе. Они соседи по имениям и хорошо знают: невеста взбалмошная, странная, с дурной славой, без настоящего приданого. Да и Василий Тарновский пока еще не достаточно зрел, чтобы стать главой семьи.

Молодые, впрочем, решают по-своему. К тому же на их

стороне бабушка Васюка – Людмила Тарновская, лихая казачка. Она посоветовала внуку устроить «похищение» невесты. 15 апреля 1894 года они венчались в маленькой сельской церкви. Старших не было – только светские приятели.

Брак состоялся помимо воли отца, этому не сочувствовали ни мать, ни старшая сестра – Софья Глинка. Но родители, в конце концов, смирились. Что делать: человек предполагает, а Бог располагает. После примирения новобрачные ездили к отцу в имение, он был неожиданно мягок с Марией Николаевной. Мура (так муж называл Марию Тарновскую) поселилась в Качановке.

Молодая пара жила зимой в Киеве или путешествовала по Европе. А летом проводила время в Качановке или Отраде – полтавском имении О’Рурков. Супруги вели беззаботную, богатую и суетную жизнь, переходя от бала к рауту, из театра в театр, из одного фешенебельного ресторана в другой, меняли курорты и наряды. Тарновская обожала роскошь, ее муж не скупился.

Они быстро стали «ньюсмейкерами» киевского света. Поклонники говорили, что у Тарновской опьяняющие глаза и тициановский цвет волос, что она обаятельная и смелая, то, что в Америке называется «tomboy» (женщина с манерами мужчин). А те, кому Мария Тарновская почему-либо не нравилась, называли ее за высокий рост «дылдой» и «красивой колокольней».

Василий Тарновский – светский, всегда пребывающий в

отличном состоянии духа хорошо сложенный брюнет. У него огромное состояние.

В 1897 году у Тарновских родился сын – тоже Василий, через два года – дочь Татьяна.

Прекрасный, южный, легкий Киев... Как писал Михаил Булгаков, «весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...»

Мура и Васюк Тарновские – веселые, богатые, красивые, лучшая киевская пара. Гостеприимные, дерзкие, открытые новым знакомствам и приключениям, в городе, где не стесняются огромных трат и новинок моды, где все всех знают, и все – напоказ. Как писала Ахматова, Киев того времени – «...город вульгарных женщин. Там ведь много было богачей и сахарозаводчиков. Они тысячи бросали на последние моды, они и их жены... Моя семипудовая кузина, ожидая примерки нового платья в приемной у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая-угодника: “Сделай, чтобы хорошо сидело“».

Как складывались отношения между молодыми супругами, достоверно неизвестно. Внешне все выглядело прекрасно, но позднейшие показания и мемуары Муры описывают Василия Тарновского развратником, пьяницей, плохим му-

жем и отцом.

По ее словам, молодой муж со второго дня брака стал вести себя непозволительно. Когда она тяжело болела тифом в номере флорентийской гостиницы, он веселился с друзьями и подругами. По-холостяцки кутил в киевских увеселительных садах – «Олимпе» и «Шато», возвращался домой поздно. Или не бывал дома, или возвращался пьянехонек. В свои «сердечные тайны» Василий Тарновский охотно посвящал жену.

Постепенно степень его откровенности становилась все шире и шире. Он рассказывал и показывал разнообразные сексуальные трюки, к которым прибегали его любовницы и обладательницы древнейшей профессии. Она даже была знакома с некоторыми из этих женщин. И инкогнито посещала с мужем сомнительные гостиницы и даже бордели Ямской улицы.

А там, по описаниям завсегдатая «Ямы» и автора одноименной повести, Александра Куприна, дело обстояло так: «До самого утра сотни и тысячи мужчин поднимаются и спускаются по этим лестницам... Приходят свободно и просто, как в ресторан или на вокзал, сидят, курят, пьют, судорожно притворяются веселыми, танцуют, выделяют гнусные телодвижения, имитирующие акт половой любви. Иногда внимательно и долго, иногда с грубой поспешностью выбирают любую женщину и знают наперед, что никогда не встретят отказа. Нетерпеливо платят вперед деньги и на публич-

ной кровати, еще не остывшей от тела предшественника, совершают бесцельно самое великое и прекрасное из мировых таинств – таинство зарождения новой жизни. И женщины с равнодушной готовностью, с однообразными словами, с заученными профессиональными движениями удовлетворяют, как машины, их желания, чтобы тотчас же после них, в ту же ночь, с теми же словами, улыбками и жестами принять третьего, четвертого, десятого мужчину, нередко уже ждущего своей очереди в общем зале».

Вначале Тарновская противилась мужу в его сладострастных затеях, но постепенно вошла во вкус и уже сама выбирала партнерш и диктовала сценарий. Увлекалась эфиром, морфием и кокаином. Ничто не мешало веселью супругов – великосветская дама, графиня Мария Тарновская родила сына прямо в отдельном кабинете одного из киевских ресторанов.

Тарновская никогда не признавалась в том, что их эскапады с мужем были совместными и добровольными. Однако, «Мидинетка» с профилем Мадонны, темпераментом Мессалины и сердцем Иродиады, для многочисленных своих потребностей имевшая множество любовников и умеющая уверить каждого, что он у нее один, вряд ли заслуживает доверия.

Тарновский, даже будучи пьяницей и развратником – обыкновенный человек, избалованный, обаятельный, несмелый, но уж не какой-то демонический тип. Известно, что Ва-

сий, после того как вынужден был расстаться с Марией Николаевной, перестал кутить, серьезно занялся певческой карьерой, оказался превосходным, заботливым отцом. В Киеве его любили, а вот Мария Николаевна симпатии не вызывала.

Младший брат Василия, ученик реального училища Петр, в 17 лет повесился. Из оставленного им письма известен мотив: он подскоблил отметки, поставив вместо дурных – хорошие. Отец собирался на другой день ехать в реальное училище проверить успехи сына и, возможно, нанять репетитора. Петр – юноша самолюбивый – понимал: его обман обнаружат. Отец – человек бешеного нрава, мальчик перед ним трепетал.

Но это семейная версия, что называется, «для людей». В Киеве же многие считали: Петр повесился из-за своей прекрасной невестки. Она – из злобы и скуки развратила юношу, играла с ним, как кошка с мышкой. Не в силах выбрать, разрываясь между братом и невесткой, Петр предпочел самоубийство. Мария вообще наслаждалась нравственным истязанием мужчин, она этим гордилась.

Между тем огромные амбиции и соответствующие им траты привели В. В. Тарновского-старшего на грань разорения. В 1897 году он продал Качановку миллионеру-сахарозаводчику Павлу Харитоненко. После продажи имения Василий Васильевич разделил вырученную сумму на три равные части: себе, дочери Софье Васильевне и сыну Васюку.

На эти деньги Тарновский-старший купил в Москве дачу и снимал в Москве дом. А в 1899 году глава клана Тарновских умер.

До этого времени Мария Николаевна была вынуждена жить в основном в Качановке, воспитывала детей под присмотром строгого тестя. Теперь она получила полную свободу.

На свободе

Знаменитый адвокат Николай Карабчевский говорил о нашей героине: «Это природный злой гений. Очевидно, только нравственная дряблость окружающих ее людей сослужила ей эту службу, возведя на пьедестал таинственной леди Макбет. Тарновскую я бы защищал с истинным наслаждением; подумайте только, какая гигантская психологическая задача: «Как дошла до жизни такой?»»

В начале 1900-х – в моде *femme fatale* — роковая женщина. Она манипулирует мужчинами, подчиняет их своей воле, заставляет страдать, разоряет, доводит до самоубийства. Она в пьесах Оскара Уайльда, произведениях Валерия Брюсова, картинах Густава Климта. Ее жизнь – рискованна и скандальна. Такова и Мария Тарновская.

После раздела Качановки у Василия Тарновского еще оставалось почти 500 тысяч рублей. Супруги снимали квартиру в Киеве и прикупили имение в Житомирской губернии рядом со станцией Янушполь.

Мария Тарновская понимала: денег на продолжение роскошной жизни скоро не будет хватать. Она же хороша собой, порочна и постоянно притягивает мужские взгляды. Теперь бы избавиться от супруга, и можно составить другую партию, или жить с разными любовниками. Она занялась последовательной, садистической травлей своего мужа. Не просто из-

меняла ему, а делала это на глазах всего города.

А он, между тем, не менялся. Каждый вечер говорил себе: «Завтра начну новую жизнь». Но все шло по-старому – разгул продолжался, состояние таяло: за пару лет от полумиллиона осталось 180 тысяч рублей. Васюк по-прежнему был человеком, популярным в шантанах, деньги не считал, у него одалживались, его обирали.

Раз как-то Тарновская рано утром исчезла из дома. Муж ждал ее до позднего вечера, затем поехал в клуб и много времени спустя возвратился домой. Между супругами вспыхнула ссора. Васюк ушел в свой кабинет и лишь под утро, усталый и растерзанный, заснул. Вдруг он почувствовал, что кто-то крадучись входит в кабинет. Это была Тарновская. Она была бледная, с распущенными волосами, вся в белом, она казалась страшной. «Что с тобой?» – «Я отравилась, пришла с тобой проститься. Зови скорей детей...»

Все оказалось ловко подстроенным представлением. Или вот такой историей: Тарновская железной шкатулкой ударила о колено мужа, причем сама кричала диким криком. На вопрос горничной, почему барыня в то время как она била мужа, кричала, Тарновская с улыбкой заметила: «Надо уметь жить, дитя мое... Надо бить, а самой кричать».

Поклонников она предпочитала искать среди бретеров. Как будто хотела принудить мужа к смертельной дуэли. Или погибнет, или отправится на каторгу.

В заграничных странствиях Василий Тарновский на свое

горе познакомился с дальним родственником, гвардейским ротмистром графом Павлом Голенищевым-Кутузовым-Толстым, правнуком фельдмаршала. Графу был 31 год, он был женат на княгине Екатерине Шереметевой, но разъехался с супругой. Из-за непрерывных скандалов у него возникли служебные неприятности, и Василий посоветовал Толстому перевестись в армейский полк, стоявший в Киеве. Представленный Марии Тарновской, Толстой начал за ней волочиться, демонстративно и настойчиво. Муре это явно нравилось. Богат, красив, знатен, свободен – чего еще надо?

Несмотря на то, что в 1899 году Василий Васильевич закрыл свой киевский дом в знак скорби после смерти отца, Толстой находил способы встречаться с Марией Николаевной и стал ее любовником. Они проводили время в гостиницах, об их похождениях знал весь город.

В июне 1899 года, заехав на ближайшую станцию, чтобы забрать свою корреспонденцию, среди прочих писем, Тарновский получает от почтмейстера конверты для супруги и ее французской горничной мадмуазель Мадеры.

Василий видит: почерк на адресе горничной – мужской, письма отосланы из Киева. Вскрывает конверт и читает: «Какие грустные дни я провожу вдали от тебя! Не иметь вблизи друга. Моя жизнь разбита. Дорогая Мура, я с ума сойду, если ничего не случится, я кончу жизнь самоубийством. Я виделся с Т-м, я телеграфировал отцу. Хотят поссорить нас с тобой. Если так же любишь меня, то возврати мне свои чув-

ства! Явись! Говоря, благоговею, твой навеки. Павлик».

Васюк рассчитал француженку, изругал жену, но делу это не помогло никак. Как писал о Тарновской знаменитый тогда писатель Петр Боборыкин, она – «...светская дама с натурой. Хищная охотница за чужими мужчинами, особенно богатыми. Она не только хищна, но и продажна, и пока, до какого-нибудь крупного скандала, еще принадлежит к так называемому «избранному обществу». И жены тех мужей, на которых она охотится, принуждены встречаться с ней в тех же гостиных и принимать ее у себя».

У Тарновского оставалось два выхода: дуэль или развод. Но, как вспоминала его родная сестра Софья Глинка, «несмотря на рассеянный образ жизни, он жену свою очень любил. Всегда просил его вызвать по телефону, как только жена вернется домой. Главой семьи была жена, она женщина характера сильного, всегда умеет настоять на своем. Дома часто не бывал, иногда любил с приятелями в ресторан поехать. Она любит своих детей, но мало занимается ими. Мальчика любит больше. Развод не состоялся потому, что Мария Николаевна не хотела отдавать ему детей».

В результате Тарновский, пытаясь избежать дуэли, делал вид, что ему ничего не известно о романе жены. Но именно Мура толкала Толстого на физическое оскорбление мужа. Толстой писал ей: «Жить вдали мне невозможно. Брось все, заклинаю тебя, Мура! Мне тяжело одиночество! Что делаешь ты со мной? Ты меня упрекаешь, что я не сделал послед-

ней попытки на вокзале. Я не поступил согласно твоему проекту – он был при встречах так предупредителен, так корректен, что не нашлось повода. Он удалился и был со мною все время сух очень. Я не решился!»

Впрочем, в то же лето, в Ницце, Тарновские вновь встретили Павла Толстого. На этот раз, подзуживаемый своей любовницей, граф пытался публично ударить Василия Васильевича, но тот отклонил удар, и в свою очередь нанес нагледцу пощечину. Секунданты – князь Кочубей со стороны Тарновского и граф Рагузинский, представлявший Толстого, – примирить стороны не смогли.

Дрались на пистолетах, потом на шпагах. Толстой ранил Тарновского в руку. По французскому дуэльному кодексу поединок был закончен. Инцидент считался исчерпанным. Дуэль запротоколировала знаменитая парижская газета «Фигаро».

План Марии Тарновской сорвался, ее муж не был убит и не попал на каторгу. Надо было предпринимать новую попытку. В Киеве существовало два взгляда на мотивы поведения Марии Тарновской. Уже входил в моду Зигмунд Фрейд, и стержневая иррациональность Марии Николаевны объяснялась людьми просвещенными научно: действие подсознательных импульсов и дурной наследственности. Но киевские кумушки Фрейда не читали и склонялись к другому объяснению поступков Тарновской. Она сознательно довела своего племянника до самоубийства, а мужа подталкивала к убий-

ству, чтобы он загремел на каторгу. Тогда она станет единственной обладательницей все еще значительного состояния Тарновских. Мария Николаевна любила, когда ее называли «генеральшей», она любила разрабатывать планы сражений и выигрывать их.

Боржевский

Весной 1903 года Марии Тарновской был представлен молодой помещик Стефан Здиславович Боржевский, 28-ми лет. Бретер и охотник на женщин, он не обладал собственным состоянием и жил на какие-то таинственные средства (видимо, обиранием слабых на чувства дамочек) широко и разгульно и даже был выселен из родной ему Варшавы.

С людьми, которые спуска не давали, бретер был весьма корректен и даже уступчив. Но заметив малейшую слабость, садился на шею. При любом разногласии грозил «дуэлью на два шага».

Как-то Мария Тарновская спросила Михаила Семенцова, приятеля своего мужа: «А вы не боитесь Стефана Здиславовича?» На что тот ответил: «Я и настоящих босяков не боюсь, а это – просто босяк в смокинге».

Боржевский принялся преследовать супругов Тарновских: он оказывался «случайно» рядом с ними то в цирке, то в ресторане, то на скачках. Тарновский почувствовал новую опасность тотчас, он умолял жену прекратить знакомство с этим господином, и, по словам горничной, при этом рыдал. Его эмоции были, как показало будущее, вполне оправданы.

Стефан Боржевский приехал к Марии Николаевне в Янушполь немедленно, когда Василий Васильевич задер-

жался по делам в Киеве. Вскоре Тарновский получил телеграмму «Срочно приезжай с хирургом». Муж приехал и застал у жены Боржевского, который, по словам Марии Николаевны, стрелял с ней в тире. Она вообще любила огнестрельное оружие и случайно прострелила милому Стефану руку. Хирург перевязал рану, и Боржевский скоро уехал.

Понимая, что повторяется история с Павлом Толстым, Тарновский решил от греха подальше отвезти жену за границу. Отправились в баварский Бад-Киссинген, бальнеологический курорт. И на второй день, гуляя по Кургартену, местному парку, увидели... Стефана Здиславовича. Тот с наглым видом заявил: мне врач рекомендовал лечить раненую руку в местных источниках. И продолжил свои brutальные ухаживания за Мурой; видимо там, на курорте, они и стали любовниками.

Осенью, вернувшись с Тарновскими из Германии, Боржевский практически поселился у Марии Николаевны в Янушполе. Днем он приходил во флигель, куда им подавался обед, а ночью, когда дети засыпали, отправлялся в усадебный дом, в супружескую постель. Перед приездом в имение Василий Тарновский непременно давал телеграмму с просьбой послать лошадей на железнодорожную станцию. А горничная Изотова садилась за кучера на господскую бричку и увозила Боржевского от греха подальше (за эту услугу Стефан Здиславович даже подарил ей золотые часики). В любовные игры Марии Николаевны были посвящены многие:

швеей Косенкова, лакеи Вовк и Захарченко.

Иногда Изотова оказывала любовникам еще одну услугу: когда Мария Николаевна отправлялась с ней в имение (всегда в купе 1-го класса), через некоторое время раздавался стук в дверь – входил Боржевский, а Изотова пересаживалась на его место в 3-м классе, предоставляя пылким любовникам время побыть вдвоем.

Осенью Мария Николаевна с детьми вернулась в Киев и под присмотром Боржевского сняла новую семейную квартиру в 4-м этаже знаменитого дома Гинцбурга. Фасад выходил на Николаевскую улицу (№ 9), черный ход – на Институтскую. Как только Василий Тарновский отправлялся в клуб, швейцар Пузынин телефонировал Стефану Здиславовичу на Подол в гостиницу «Лондон», поднимал его на лифте на 4-й этаж и сообщал, при необходимости, о приближении мужа. Тогда Боржевский уходил на Институтскую через черный ход. В кармане у него на всякий случай всегда лежал заряженный револьвер.

Беззастенчивое преследование Боржевским жены в течение нескольких месяцев в Киеве, в деревне и за границей ставило Тарновского в невыносимое положение. Тарновский плакал, умолял прекратить знакомство с Боржевским. Отказ Марии Николаевны привел его в отчаянье и довел к концу ноября 1903-го до полного расстройства нервной системы и страданий сердца. Но Тарновская говорила своей горничной: «Настя, надоели мне эти слезы, и он надоел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.